

*Теодор Шанин,
профессор Манчестерского университета
(Великобритания),
Ректор Московской высшей школы
социальных и экономических наук*

Обычное право в крестьянском сообществе

Мы сегодня уже много говорили о разнице (дуализме, если хотите) в понимании структуры поведения в каждом обществе. С одной стороны, государственный взор — это мир законов, бюрократическое исполнение решений "сверху" и т.д. С другой стороны, ежедневная жизнь, которая вносит свои мощные коррективы в какие-либо законодательные акты и формы бюрократического их исполнения.

Практическая жизнь вносит коррективы в законы. Однако и незаконное структурировано. Здесь особо важны системы неформальной экономики, мощь которых в разных странах различна². Это — как "теневые", так и внетеневые экономические системы, которые, подпадая под определение неформальных, не являются нелегальными. Это также то, что в свое время Джеймс Скотт назвал "моральной экономикой"³. То есть это экономические отношения, которые нельзя определить просто законами рынка и эквивалентного обмена, где с точки зрения причинности экономическое действие

---

¹ Полное собрание речей императора Николая II. 1894-1906. С. 70.

25 января 1906 г. Николай II распорядился отпечатать свою речь и распространить ее в сельской местности всех губерний. (Совет министров Российской империи 1905-1906 гг. С. 210.)

² Более подробно см.: *Шанин Т.* Неформальные экономики: Россия и мир. М.: Логос, 1999.

³ *Scott J.C.* Moral Economy of the Peasant. Yale University Press, 1976.

определяется нерыночными факторами, а особенно понятиями того, что надо и чего не надо делать. Неэквивалентный обмен между членами большинства семейств, — важный пример "моральной экономики". Но она, конечно, распространяется не только на семейные отношения. Она шире, причем часто не учитывается профессиональными экономистами, поскольку плохо вписывается в академические модели экономики и количественные ее расчеты.

В России с 1860-х по 1930-е годы драматически обнажились неформальные и внерыночные экономические отношения, экономические действия и их реальное понимание большинством населения страны. В высокой мере познания и признания важности этого феномена — особенность России, поскольку в процессе отмены крепостного права судебная власть почти по всем экономическим проблемам и по части криминальных проблем перешла в руки волостных судов. А волостной суд выборных из крестьян должен был судить "по местным обычаям", "по справедливости".

Это означало, что в России с 1870-х годов 85% населения не находилось под государственными судами, имперским статусом, законами, которые принимались царем или другими государственными структурами, а попадали под суд старейшин, избранных на местах, — часто безграмотных или полуграмотных заседателей. (В таком суде грамотным оказывался лишь один человек — писарь этого суда.) Волостные суды выносили решения исходя не из знания государственной законодательной системы (потому что они ее не знали), а из своего понимания "что справедливо", т.е. каков местный обычай, "обычное право". Что же такое местный обычай?

С 1880-х годов шел процесс оценки этой законодательной деятельности. Дело в том, что в это время подавались апелляции относительно решений волостных судов "наверх" — к Правительствующему Сенату, т.е. к Верховному Суду России. И этот суд не знал как разбирать эти апелляции, как оценить профессиональным юристам правомочность решения местного суда, заведомо принятого не по кодексу законов. Как определить, что такое местный обычай, в территориально самой крупной стране мира с многомиллионным населением, в составе которого — различные этнические группы с разными обычаями. (В то время этнические русские составляли менее половины населения.)

Для того чтобы справиться с этой задачей судебные власти распорядились провести сбор информации. Молодые правоведы были посланы в российские села, чтобы разобраться с тем, что есть справедливость в представлении их выборных судей и что для них является местным обычаем.

Первым общим результатом этого сбора информации стала кодификация Мухина, которая была опубликована в 1888 г.¹ Ре-

---

¹ Мухин В. Обычный порядок исследования у крестьян. СПб., 1888.

зультаты были необыкновенно интересны. Потрясающим для меня (и, я думаю, для тех, кто впервые это увидел в 1880-х годах) было то, что по всей империи выявилось единство решений, или понимания того, что есть "справедливость". Крестьяне одинаково понимали, что есть справедливость во Владивостоке и в Смоленске, которые разделяет не только огромное расстояние, но которым присущи свои исторические особенности, скажем, в Смоленске — влияние польского права ("Литовской Правды"). Тем не менее крестьянские заседатели в важнейших вопросах приходили к одним и тем же фундаментальным решениям.

Совокупность этих решений и получила официальное название "обычное право". Таким образом, было государственное право и обычное право — суд по местным обычаям. Удивительно было то, что без диктата "сверху", со стороны ясно определенных законодательств, местные обычаи по всей России оказались во многом почти одинаковыми. И это, несомненно, связано с социальными структурами крестьянства России, с характером двора, села, общины, семейных отношений и т.д.

Хочу здесь чуть-чуть отойти от темы законов и судов, чтобы немного остановиться на особенностях крестьянского быта, поскольку не все присутствующие знакомы с этой проблемой, не сталкивались с тем, как еще совсем недавно жила большая часть населения России, хотя и сегодня большинство россиян — это или крестьяне, или их дети, или их внуки. Многого забылось. С элементами структуры этих потерянных миров люди часто открывают заново самих себя.

Хочу определить, кого я называю крестьянами. Это понятие включает единство четырех характеристик, из совокупности которых складывается понятие "крестьянство". Во-первых, это крестьянский двор как базовая экономическая единица, где едины семья, участок земли и труд на нем. Труд этот не всегда связан с земледелием, его составляющей является и то, что русские крестьяне называли "промыслами"; у других это называется по-другому, но это всегда существовало и всегда существенно. Во-вторых, это село как место проживания и как единица перехода из поколения в поколение — социализации и определенной крестьянской культуры, которая, конечно, включает и "обычное" право. В-третьих, это особенности занятий, причем не только работа в сельском хозяйстве. Есть ведь и не-крестьяне, которые работают в сельском хозяйстве (с одной стороны, капиталистические фермеры, а с другой — скажем, холопы в российской истории, которые не имели права на двор). Важнейшая особенность здесь — это менее узкое и формализованное определение профессиональных задач. Крестьянин не только работает на земле. Он занят еще десятком других "профессий", если употреблять слово "профессия" в том смысле, которое в него вкладывают в городских условиях. Этот низкий уровень специализации связывается с очень широким диапазоном действий, которые все

необходимы, нехватка знаний которых не дает возможности выполнить ту задачу, которую россияне называли "крестьянствованием" и чему обучались не в школах и институтах, а в семье. В-четвертых, это то, что крестьянство является низшим классом ("underdogs"), классом, над которым властвуют.

Если соединить все эти четыре элемента, то перед вами (конечно, упрощенно) — классическое определение крестьянства. Если исключить одно, оставив три — это маргинальная группа крестьянства. Если исключить два, то от понятия "крестьянство" мы перейдем к другому понятию "население".

И еще, прежде чем вернуться к вопросам обычного права, скажу о важных для нас характеристиках крестьян то, что форма их жизни и выживания связана с особой экономикой. Углубляться в эту тему не буду, поскольку об этом вполне достаточно сказано Чайновым, и я могу лишь отослать коллег к его фундаментальной работе по экономическим категориям¹. С этим связаны особенности выбора и поведения, согласно которым то, что логично и правильно с точки зрения максимизации доходов или результатов для некрестьян, не является также логичным и правильным для крестьян. И поэтому так часто эксперты, которые давали советы крестьянству стран "третьего мира", попадали впросак, а крестьяне жестко сопротивлялись тому, что те предлагали. И почти всегда, когда начинали, вскрывать причину такого жесткого сопротивления, оказывалось, что за этим стоит то, что "глупые" крестьяне были куда умнее экспертов, с точки зрения своих интересов и особенно долгосрочного развития региона, причем не только в вопросах экологии.

Теперь вернемся к проблеме особенностей обычного права в России.

Во-первых, здесь нет собственности в понимании имперских законов России. Нет индивидуальной эксклюзивной и абсолютной собственности, а вместо этого — собственность семейная. И это значит, что человек, который ведет хозяйство, — "большак" (или другое название, которое разнится от района к району) действует как руководитель семейной фирмы, а не как хозяин-собственник того имущества, которым он распоряжается. Существует простое доказательство этого. "Большака" можно снять с его "поста", т.е. село может решить так, поскольку он плохо ведет семейное хозяйство. Если, скажем, его сыновья говорят: "Он разбазаривает имущество" и докажут это сообществу, его отстранят и назначат другого, допустим, старшего сына. Причиной может быть, например, то, что он "пропивает хозяйство", а в этой понятийной схеме он не имеет на это права, поскольку имущество не эксклюзивное, а семейное.

Во-вторых, при семейной форме владения имуществом нет наследования по понятиям имперского закона. "Большак" не может

---

¹ Чайнов А.В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Чайнов и Восток: Реферативный сборник. М., 1991.

написать завещания, согласно которому один из сыновей получит больше, а другой — меньше, поскольку имущество принадлежит не ему, а семье. После смерти "большака" оно продолжает вестись всей семьей или делится на равные части между мужчинами. Более того, раздел или выдел происходит и при жизни "большака".

В-третьих, доля членов семьи в наследовании, определяется трудом, который вкладывается каждым в семье. Это значит, что сын, который ушел из семьи, считается "отрезанным ломтем" и не имеет никаких права на семейную землю, лошадей и т.д., а "влазень", т.е. человек, который женился на дочери и начал работать во дворе, имеет такие же права на выдел, как сын, живущий в семье. Несколько лет труда нужны для того, чтобы прийти к такому определению, но само оно зависит от трудового вклада, а кровная связь не имеет решающего значения. А в имперском законе, если ты сын, то имеешь наследственные права, если ты не сын, то не имеешь на то никаких прав.

Женщины в обычном праве не могут наследовать землю и лошадей, но они наследуют домашние вещи ("utensels"): домашнюю утварь для приготовления пищи, одежду и т.д., и здесь у матери есть возможность завещания, т.е. неравного раздела. Все остальное наследуют поровну только мужчины.

Предпринимались некоторые попытки изменить эти обычаи крестьян законодательным путем. Так, был принят закон о том, что те, кто выделил свое имущество из села (в период столыпинской реформы), не попадали под правила семейной собственности и могли завещать землю. Закон был принят в январе 1910 г. По всей России он был просто проигнорирован крестьянами. Были также усилия государства прекратить обычай равного раздела земли между всеми мужчинами, т.е. установить, что если количество земли во дворе было ниже определенного уровня, то раздел не должен допускаться. И эти законы крестьянство тоже просто-напросто проигнорировало.

Такая коррекция законов признанными реалиями и обычаями, конечно, не является особенностью только русского крестьянства. Приведу пример: по законам Пакистана (а там действует закон шариата), когда умирает крестьянин, его земля должна быть поделена между сыновьями по доле, а каждая дочь должна получить половину доли мужчины. Крестьянство Пакистана фанатично религиозно. Но этот закон шариата они полностью игнорируют, потому что такое разделение земли привело бы к сильному ее дроблению и плохо бы влияло на развитие сельского хозяйства. Поэтому наследование идет "согласно обычаю".

Самым важным результатом революции, с точки зрения крестьян России, был Земельный кодекс 1922 г. Этот кодекс просто повторил в главном обычное право. Он был универсальным и стал сердцевинной нэпа. Для сельских районов нэп, его стабильность, его эффективность с точки зрения быстроты последовавшего экономического восстановления и развития связаны не с тем, что придумало

правительство, а с тем, что Земельный кодекс повторил и помог дальше укрепить и развить обычное право. Было введено несколько дополнений к нему. Важнейшее из них касалось права женщин на долю в разделе имущества. Это привело к тому, что в этом деле к концу 1920-х годов стали нарастать судебные тяжбы.

Отмечу, что даже в условиях коллективизации в российском законодательстве сохранилась часть законов Земельного кодекса 1922 г. и тем самым — элементы обычного права. Скажем, в книге Лисковца в 1963 г. отмечалось: «Когда судья должен определить вопросы раздела имущества, он должен начать с определения, является ли оно "сельским имуществом»¹. Если оно является сельским имуществом, тогда надо решать по Закону 1922 г., а этот закон отражал обычное право, о котором как таковом, конечно, забыли или предпочли умолчать.

Вопросы:

В.А.Ядов: Что же все-таки случилось с реформами Столыпина?

О.Н.Яницкий: Что стало с обычным крестьянским правом, когда в ходе нескольких волн урбанизации, крестьяне хлынули в города? Оно что: трансформировалось, исчезло, сократилось?

Ю.К.Пантин: Профессор Шанин сказал, что обычное право начали исследовать "от Владивостока до Смоленска" — это так сказать "по параллели". А как по меридиану? Ведь в южных республиках крестьянские и земельные отношения резко отличаются от Севера. Существовало ли и здесь единое обычное право?

Кроме того, я бы не согласился с тем, что "в 1922 г. было принято земельное законодательство, которое ничего практически не изменило". Я — один из тех мастодонтов, которые знают деревню и изучал Северную деревню. Эсеровский лозунг "социализации земли" — это был революционный лозунг, по крайней мере, для северной деревни и Нечерноземья. Что он означал? До этого распределяли землю по сыновьям, — это Вы правильно говорили. И по ревизским сказкам — по старым еще. А новый закон разрешил разделять землю по едокам. Это была целая революция. Северная деревня действительно воспряла, потому что так называемые "новины" появились. Лес просто сжигали и землю распределяли крупными паями также и среди женщин. И никаких судебных споров на Севере не было, потому что проблемы не было. Там не было малоземелья, это удельные (некрепостнические) земли. Поэтому я бы более осторожно говорил о том, что "революция 1918 г. — земельная революция, потом узаконенная в 1922 г., ничего не изменила по сравнению с обычным правом".

Т.Шанин (ответы на вопросы): Коллеги, во-первых, на вопрос: "Чем по-настоящему был Столыпин?" трудно ответить в двух предло-

---

¹ Лисковец Б. Разделы и выделы в колхозном дворе. М, 1963.

жениях. Я как раз над этим вопросом сейчас работаю, и поэтому, быть может, через год стану знать и смогу сказать больше. Но на базе того, что "чувствую кончиками пальцев" и более того, что могу доказать, я думаю, в немалой мере столыпинская реформа к началу Мировой войны была "skin deep", т.е. поверхностной, а иногда только показной. Доказательства этого — в 1917-1919 гг. все это было смято и смято легко. Если было бы отчаянное сопротивление — другое дело. И полностью воссозданная система общин, причем без борьбы, я думаю, доказывает слабую реальную результативность столыпинской реформы.

Столыпин когда-то сказал: "Дайте мне 20 лет, и вы не узнаете Россию". Я думаю, что он ошибался в этом, был оптимистично настроен. Быть может, если бы ему дали 40 лет, мы и впрямь "не узнали бы Россию", потому что тогда сменилось бы полтора поколения и была бы надежда на более глубокие изменения. Но только должен сказать, чтобы политику "дали 40 лет", — такого не бывает.

О положении в городах. В большинстве случаев, когда у крестьянина по сословию, который стал горожанином и имел свои права в селе, возникал вопрос о земельном имуществе — этот вопрос решался в селе. Те же крестьяне, которые осели в городе, попадали там не под обычное право, а под государственные законы и суды со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Теперь о разделении России на Север и Юг. С ним я вполне согласен. Во-первых, на Юге мощную роль играет шариат и часто происходит странное комбинирование законов шариата и русского обычного права. Особенными условиями отмечаются, конечно, Грузия и Армения, там все эти процессы шли иначе. Но замечание было совершенно справедливым. Я говорил о российском, украинском и белорусском крестьянстве. Хотел бы добавить, что когда движешься с Востока на Запад, то начинает оказывать влияние "Литовская Правда", т.е. обычаи тех районов, которые принадлежали к Речи Посполитой. Там есть определенные отличия, но это отличия не во внутрисемейных обычаях, а в вопросах раздела и передела земли в селах.

С точки зрения сельских переделов действительно важен, революционен период Гражданской войны — это совершенно правильно. Но эти переделы происходили в основном на уровне села, а не на уровне семей. Из-за ограниченности времени я сузил предмет, о котором хотелось бы сказать, и говорил только о семейном праве. Но если говорить о крестьянском праве на межсемейном уровне, обычное право действовало по-особому на уровне села. Там изменения, связанные с периодом революции, были глубже, хотя общие принципы обычного права в большой мере соблюдались.

Должен также сказать, что разделение по едокам существовало и до революции, и до Столыпина, т.е. делить по едокам или по душам, или по мужчинам (работникам) — эти альтернативы существовали и

часто определялись по-разному в разных селах. Что было общим — это идея делить "по справедливости". А определение того, что есть "справедливость" — по едокам или по работникам. Разные волости, разные села и разные регионы по-разному это определяли.

Хочу закончить тем, что, на мой взгляд, наиболее важно при рассмотрении обычного права и его влияния. Самым ценным здесь является важность признания реалий. Мы говорили на конференции о реальных и о правовых картинах действительности. Нэп был периодом, когда "реальное" было признано законным в большей мере, чем в другие периоды. И это связалось с расцветом экономики, а также дало расширение свободы большинству россиян до уровня, которого никогда не существовало до этого. Я говорю здесь о большинстве россиян, о 85% крестьян, а не о горожанах, политические права которых были, конечно, в то время сильно ограничены. Я думаю, что знание реалий крестьянства 1920-х годов имеет ценность и сегодня.